

**АЛЕКСАНДР
БАРМИН**

**ДВАДЦАТЬ
ЛЕТ**

В РАЗВЕДКЕ

Александр Григорьевич Бармин

Двадцать лет в разведке

Серия «Я предал Родину»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23704746
Двадцать лет в разведке: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0763-8*

Аннотация

Мемуары А. Г. Бармина (1899–1987), дипломата-«невозвращенца», долгие годы были в числе основных источников для зарубежных исследователей советского периода 20–30-х годов. Что касается отечественных историков, тем более массового читателя, то для них эта книга была просто недоступна, поскольку перевода ее на русский язык до настоящего момента не существовало. Причина этого кроется в том, что имя автора вслух не могло быть произнесено, так как он с середины 40-х годов возглавлял русскую службу радиостанции «Голос Америки». Между тем книга А. Г. Бармина представляет несомненный интерес. Автор, активный участник Гражданской войны, один из первых краскомов с академическим образованием, выпестованный, как и многие другие выдвиженцы революции, Л. Д. Троцким, был ему всецело предан. В книге представлена широкая галерея дипломатических и хозяйственных работников, видных военачальников, ставших в роковые 30-е годы «врагами

народа». Хорошо передана и напряженная атмосфера тех лет, мучительная борьба людей между долгом и страхом репрессий.

Содержание

Книга первая	6
В Греции	6
Западня	21
В укрытии	36
Книга вторая	56
Детство	56
Война и революция	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Александр Бармин

Двадцать лет в разведке

© Бармин А. Г., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

*** * ***

Книга первая

В самом имени античной Греции есть очарование.

Страницы ее истории покрыты славой... а в творениях античного искусства есть недостижимая красота. Ее климат обладает чудесной притягательностью, так же как ее руины.

Александр С. Мюррей

В Греции

Греция ранним летом представляет собой землю лазури и золота, и в то июньское утро 1937 года она под безоблачным эгейским небом была просто прекрасна. С крыльца моего небольшого коттеджа в Каламаки были видны яркие бело-розовые крестьянские домики, разбросанные по склонам гор среди террасных виноградников. Ниже, на берегу залива, виднелись богатые виллы. Несколько белоснежных яхт тихо покачивались на голубых волнах. За спиной у меня возвышались величественные горы. В десяти милях в легкой дымке скрывались Афины. Казалось, что это был уголок, который боль, нищета и преступления обходили стороной. Могло ли быть такое еще где-то в мире?..

Снизу, с дороги, доносился протяжный призыв водоноса: «Не-ру-л-а-а-с». А совсем рядом было слышно, как дочь садовника, звеня посудой, готовила мне завтрак – кофе, сыр и лепешки.

После завтрака я сел в свой «форд» и по дороге, ведущей вдоль залива, поехал мимо Пирея, мимо Адрианских ворот и памятника Байрону в самый центр Афин. Обогнув огромный овал только что построенного и облицованного мрамором нового стадиона, я подъехал к воротам нашей миссии. Роскошное здание, расположенное недалеко от королевского дворца, принадлежавшее ранее посольству царской России, досталось Советскому Союзу, как говорится, по наследству. Здесь все было в полном порядке. Ни у нашей страны, ни у Греции не было никаких оснований бояться друг друга. В то время, кстати сказать, Греция не интересовала Москву, а потому жили мы мирно.

Афины как столица были довольно спокойным и даже несколько скучноватым в Европе местом. Мои обязанности поверенного в делах во время длительных отлучек посланника Михаила Вениаминовича Кобецкого не были обременительными: нужно было просматривать греческие и советские газеты, писать письма, отвечать на ноты греческого МИДа и поддерживать контакты в дипломатическом корпусе. Дипломат, которому приходится служить в таком месте, как мне казалось, должен был быть самым счастливым человеком на земле. Но у меня на душе в то «благословенное»

время было очень беспокойно потому, что я чувствовал, как тревожно развиваются события в моей стране. Похоже, думал все чаще я, Наркомат иностранных дел испытывает какое-то странное оцепенение. Вот уже в течение нескольких месяцев в полпредство не поступало ни указаний, ни информации. Николай Николаевич Крестинский, заместитель наркома Максима Максимовича Литвинова, был снят со своего поста. С документов отдела Германии и Балканских стран исчезла подпись заведующего отделом Штерна. На мои депеши никто не отвечал. Словом, дома творилось что-то неладное.

Помню, в то утро на столе у меня было лишь несколько писем; статьи в газетах выглядели довольно скучно, а их содержание убаюкивало. Внезапно раздался телефонный звонок. Звонил секретарь полпреда:

– С вами хочет говорить директор греческого информационного агентства, – проговорил он с некоторым волнением в голосе.

Я взял трубку.

– Мы только что услышали по московскому радио, что один из заместителей наркома обороны покончил жизнь самоубийством, – произнес в трубке знакомый голос. – Мы не уловили его имя. Можете ли вы подтвердить это и объяснить, что это означает?

У меня перехватило дыхание. Но я ответил быстро и дипломатично:

– Я такой информации из Москвы не получал. У народного комиссара обороны маршала Ворошилова четыре заместителя: комиссар Гамарник, маршал Тухачевский, генерал Алкснис и адмирал Орлов. Я надеюсь, что с ними все в порядке...¹

Я повесил трубку. Самоубийство?.. Кто бы это мог быть? Я подумал, что эта неподтвержденная информация могла быть очередной фальшивкой нацистской пропаганды. Прошло уже пять месяцев после окончания суда над Пятаковым и расстрела тринадцати видных советских деятелей. Наверное, аресты и исчезновения продолжались, но мы в своем благополучном далеке надеялись, что все в конце концов обрзается, вернется в нормальное состояние. После кошмара первых двух московских процессов над лидерами оппозиции казалось, что их немислимое унижение и смерть могли позволить Сталину править страной в обстановке безопасности и положить конец террору.

Возвращаясь к почте, я старался успокоить себя этой мыслью. Но два часа спустя в мой кабинет буквально ворвался один сотрудник с вечерней газетой в руке. Его лицо было бледным.

– Гамарник покончил жизнь самоубийством, – сказал он.

Никто из нас не выдал своих чувств. В последние годы русские научились, что бы ни случилось, держать себя в ру-

¹ После *самоубийства* Гамарника в течение шести месяцев оставшиеся трое были расстреляны.

ках. Ни на кого нельзя было положиться, даже на членов своей семьи или близких друзей. Я прочел заметку в газете и ответил насколько мог спокойно:

— Мы должны подождать вестей из Москвы. Бог знает, что там происходит.

В тот вечер сотрудники миссии, как всегда, собрались в уютной полпредовской приемной, чтобы послушать радиопередачу из Москвы. Мы обменивались ничего не значащими репликами, кое-кто даже пытался шутить. Никто не решался говорить о том, что было у всех на уме. Радио донесло голос московского диктора: «...стройка метро идет успешно; продолжается работа партийной конференции, перевыполняется план добычи железной руды...» Он читал бравурные тексты, густо пересыпая их цифрами, характеризующими размах социалистического строительства, а затем, не меняя интонации, будто бы речь идет о самом заурядном факте, бесстрастно произнес: «Бывший член Центрального Комитета партии Гамарник, боясь разоблачения своих антисоветских махинаций, совершил самоубийство...». Итак, генеральный комиссар, еще совсем недавно начальник Политуправления Красной Армии — мертв... Ушел из жизни старый большевик, чье продолговатое лицо с окладистой бородой было знакомо миллионам людей... В это не хотелось верить. Ян Борисович Гамарник в период Октябрьской революции был провинциальным лидером. В последнее время он дважды в неделю принимал участие в заседаниях Полит-

бюро Центрального Комитета партии. Вместе со Сталиным, своим товарищем, он еще вчера решал самые насущные вопросы жизни страны, а теперь тот безжалостно послал его на смерть. У меня не было сомнений в том, что Гамарник избрал самоубийство, чтобы избежать ареста и расстрела... А диктор между тем, завершая последние известия, все тем же ровным голосом сообщил, что... в Москве ожидается ветреная погода...

Не знаю, у кого что, а у меня это сообщение вызвало в душе бурю чувств. Остаться среди сотрудников дальше мне не хотелось. Я вышел на улицу, в прохладу ночи. Мои надежды на прекращение репрессий оказались напрасными. Зато сомнения рассеялись. «Похоже, – думал я, – агония будет продолжаться».

Последующие несколько дней лишь углубили мое ощущение надвигающейся катастрофы. Вести из Москвы были одна хуже другой. Внезапно были арестованы маршал Тухачевский и еще семь наиболее известных высших военачальников Красной Армии. В сообщении говорилось, что в ходе закрытого суда они были признаны виновными в измене Родине и расстреляны. Мы слышали, как диктор московского радио читал резолюции, принятые многочисленными собраниями рабочих, артистов, ученых и студентов, которые одобряли расстрелы. В резолюциях звучали знакомые фразы: «фашистские прихвостни», «предатели», «бешеные собаки», «преступные отбросы общества», «смердящие пара-

зиты» и т. д. и т. п.

Но у меня было на сей счет собственное мнение. Большинство из расстрелянных я знал лично. Михаил Николаевич Тухачевский – победитель адмирала Колчака и блестящий командующий в польской кампании – был в последние годы моим близким другом. В Москве я тесно с ним сотрудничал. Я глубоко уважал И. П. Уборевича, наверное, самого талантливого из плеяды советских военачальников. В 1920 году он разбил под Орлом генерала Деникина и в 1922 году завершил разгром белых на Дальнем Востоке. Он был первым, кто выступил за механизацию Красной Армии. И. Э. Якир был также старым большевиком с подпольным стажем. Еще будучи молодым командующим, в 1919 году он отличился тем, что прорвал кольцо вражеского окружения под Одессой. Позже он стал одним из лучших наших военных руководителей и был избран в Центральный Комитет партии. И остальные – В. М. Примаков, Р. П. Эйдеман, А. И. Корк, Б. М. Фельдман. Все они отличились в ходе революции, Гражданской войны и польской кампании. После войны они посвятили себя строительству Красной Армии, стараясь, насколько это было возможно, избегать внутрипартийной борьбы. В 1928 году они оставались в стороне, когда основатель Красной Армии и бывший верховный главнокомандующий Лев Давидович Троцкий был отправлен в ссылку. Опасаясь нанести ущерб единству страны, все они подчинились принятому Сталиным решению. Теперь Ста-

лин обвинил их в измене, в сговоре с нацистской Германией. Я слишком хорошо знал их патриотизм, преданность советскому строю и военному делу, чтобы поверить в эти фантастические обвинения. Они были ужасны в своей абсурдности, особенно с учетом того, что два из восьми генералов – Якир и Фельдман – были евреями, которых гитлеровцы безжалостно изгоняли из страны.

Наиболее правдоподобное объяснение заключалось в том, что расстрелянные генералы возражали против уничтожения Сталиным лучших представителей науки и промышленности, руководителей народного хозяйства и тех необдуманных действий, которые, безусловно, будут иметь для обороноспособности страны фатальные последствия. Особенно это касалось Тухачевского и Уборевича. Механизируя Красную Армию, они готовили ее и страну к современной войне, и именно против нацистской Германии. Какого-то неосторожного слова или письма с протестом в ЦК в глазах Сталина было бы вполне достаточно, чтобы счесть их опасными и вынести им смертный приговор.

Спустя несколько дней из Москвы приехал один сотрудник НКВД, мой старый друг. Он рассказал о том, о чем не писали газеты. Я узнал, что исчез начальник Протокольного отдела Наркомата обороны генерал Геккер; что только в центральном аппарате около двадцати молодых генералов, с которыми я учился в академии, были расстреляны; что сотни старших офицеров, работавших многие годы вместе с рас-

стрелянными, были арестованы.

Из всех заметных военачальников в живых остались только маршалы Егоров и Блюхер, адмирал Орлов, командующий ВВС генерал Алкснис и бывший адмирал флота Муклевич². В течение нескольких дней, последовавших за расстрелом генералов, в миссии никто об этом не произнес ни слова. И я, и мои коллеги просто делали вид, что верят сообщениям из Москвы. Но я потерял сон. Для меня безоблачное небо Греции было затянуто мрачными тучами. Сомнения меня больше не мучили. Правда жизни была чрезвычайно горькой на вкус. Прежние судебные процессы были только началом. Сталин, которого беспокоило его невыигрышное революционное прошлое, решил замести все следы. Сделать это он мог, лишь физически уничтожив старых большевиков, помнивших все события. Вместе с этими людьми он мог одновременно и навсегда похоронить идеалы, ради которых большевики мирились с его личной диктатурой и с ее разрушительными последствиями.

За несколько недель до этого у меня состоялся разговор с одной молодой гречанкой, афинским архитектором. Она была очень дорога мне – мы строили планы нашей совместной жизни в России. Теперь она видела мое подавленное состояние, мою неспособность говорить. Как же я мог разрушить ее иллюзии о прекрасном новом обществе, в строительстве которого мы должны были вместе участвовать? Выстрелы, про-

² В течение года все они были арестованы и расстреляны.

гремевшие в сталинских застенках, оборвали жизни тысяч невинных людей, искренне боровшихся за Советскую Россию и социализм. Но этот бессмысленный террор разрушал и то, что оставалось от моей веры, поддерживавшей меня в моей службе советской власти.

В дни, последовавшие за казнью генералов, меня не оставляло ощущение катастрофы. В миссии никто не произносил ни слова. Каждый был подавлен собственными мыслями. Как-то вечером один из помощников задержался в моем кабинете, не решаясь уйти. Мы обменялись взглядами, и неожиданно я совершил необдуманый поступок, возможно фатальную неосторожность, сказав:

– Что же там все-таки происходит? Это просто ужасно. Лучшие люди – цвет армии...

Я не знаю, как это у меня вырвалось, потому тут же попытался овладеть собой.

– Пойдемте прогуляемся, – сказал я ему спокойным, ровным голосом.

Когда мы вышли на улицу, я рассказал ему все, что узнал от своего друга из Наркоминдела. И в частности, о последнем появлении Тухачевского на публике во время Первомайского парада на Красной площади. Тухачевский только что узнал, что, вопреки недавнему сообщению, он не поедет в Лондон на коронацию короля Георга VI. Вместо него должен туда отбыть адмирал Орлов. Для Тухачевского это был четкий сигнал надвигающейся беды. И все об этом знали. В

тот майский день он шел по Красной площади медленным шагом обреченного уставшего человека, заложив большие пальцы рук за поясной ремень. Затем он стоял в одиночестве справа от Мавзолея Ленина на трибуне, отведенной для маршалов. Его окружала ледяная холодность. Никто из присутствовавших офицеров не решался приблизиться к опальному маршалу, опасаясь попасть в немилость к Сталину.

Он стоял неподвижно, и его бледное лицо имело необычный серый оттенок. Последний раз он наблюдал парад войск Красной Армии, которую он помогал создавать и вести к победе. Он, по всей видимости, понимал, что его ожидало. Когда советский деятель теряет власть, для него нет возврата: за опалой почти всегда следует смерть. Незадолго до этого газеты сообщали, что Тухачевский освобожден от обязанностей заместителя наркома Ворошилова и назначен командующим Приволжским военным округом. И случилось так, как и надо было ожидать. После прибытия к новому месту службы в Саратов Михаил Николаевич был арестован и возвращен в Москву в тюремном фургоне. Так же было и с Якиром. Снятый с поста командующего на Украине, он был назначен командующим Ленинградским военным округом и затем арестован вместе со своей женой, когда проезжал туда через Москву. Сталин боялся арестовывать этих известных и любимых военачальников в окружении их войск. Он также боялся оставить их в живых на лишнюю ночь. Согласно газетным сообщениям, восемь генералов были расстреля-

ны немедленно после заседания военного трибунала. В иностранных газетах сообщалось, что в зале суда Тухачевский был ранен и его вынесли на носилках, но это, скорее всего, было выдумкой. Сомнительно вообще, что был какой-то суд. Сталин вряд ли бы рискнул представить свои жертвы перед их товарищами по оружию и приказать им вынести смертный приговор³. Я также рассказал своему молчавшему собеседнику о других обстоятельствах снятия Тухачевского. Его двенадцатилетней дочери ничего не сказали о судьбе отца. В день выхода официального сообщения она была встречена оскорблениями своих одноклассников: никто из них не хотел учиться в одном классе с дочерью «фашистского наймита и предателя». Девочка пришла домой и повесилась. Его мать, которую арестовали на следующий день, сошла с ума, и ее отправили за Урал в смиренной рубашке.

Я поведал ему и о том, что только в одном Киевском военном округе было арестовано от шести до семи тысяч старших офицеров за связь с Якиром в годы Гражданской войны и в последующий период. Был арестован директор одного из киевских кинотеатров, пропустивший на экран киножурнал, в котором показывали Тухачевского. Руководители одной из радиостанций были арестованы за передачу похоронного марша – возможно, по чистому совпадению – в день

³ Когда я пишу эти строки, маршалы Буденный и Шапошников являются единственными уцелевшими из восьми судей. Маршал Блюхер, генералы Алкснис, Каширин, Дыбенко и другие в течение года исчезли или были расстреляны.

расстрела генералов.

Я был знаком с женой Якира. Она была его верной спутницей в течение двадцати лет, делила с ним тяготы боевой жизни, заботы периода учебы и высокого должностного положения. Как мужественная и образованная женщина, она не раз давала ему полезные советы. В газетах было опубликовано **ее** письмо, в котором она заклеила любимого мужа как «позорного предателя». Мне было совершенно ясно, что **ее** заставили подписать такой документ угрозами или убедили, что таким поступком она послужит высшим интересам партии.

Газета «Известия» сообщала, что сестра маршала Тухачевского, Мария Николаевна, попросила разрешения сменить фамилию.

Я объяснил своему собеседнику, что кровавая чистка затронула не только Наркомат обороны. Этот ураган пронесся и над Наркоминделом. Был арестован старый соратник Ленина заместитель наркома Крестинский. Десятки ведущих послов и заведующих отделами были отозваны и расстреляны. Чистку Наркоминдела проводил бывший сотрудник ОГПУ Корженко, назначенный новым начальником отдела кадр⁴. Почти никто из заведующих отделами не избежал репрессий. К. К. Юренев, М. И. Розенберг, Я. Х. Давтян и

⁴ Могущественное ОГПУ (в прошлом ЧК) в 1934 году было включено в состав Народного комиссариата внутренних дел (НКВД). С тех пор названия менялись еще несколько раз, но его по-прежнему нередко называют ОГПУ, и я для простоты буду придерживаться в своей книге этого «популярного» названия.

другие послы таинственно исчезли со своих зарубежных постов. Та же трагедия разыгралась в Наркомвнешторге. Нарком А. П. Розенгольц и его два заместителя Ш. З. Элиава и М. А. Логановский, с которыми я проработал несколько лет, исчезли и увлекли за собой во тьму всех, кто был связан с ними по работе или дружбе.

Наконец, я рассказал своему помощнику, что наш прямой начальник в Наркоминделе Давид Штерн тоже арестован и, подобно Крестинскому, исчез. Штерн, занимавший пост заведующего отделом Германии и Балканских стран, был немецким писателем-коммунистом, который нашел в Советском Союзе свою новую Родину. Когда его арестовывали, жена и ребенок в слезах рванулись за ним на лестничную площадку, но были избиты милицией. На следующий день их вышвырнули из квартиры, располагавшейся в наркоминделовском доме. Я хорошо знал Штерна. Это был молодой, тридцати пяти лет, талантливый писатель и очень трудолюбивый человек, хотя из-за плохого здоровья он вынужден был проводить много времени в санаториях. Скрываясь из дипломатических соображений под псевдонимом Георг Борн, он написал несколько хорошо документированных и ярких романов антифашистского содержания. Наиболее известные из них: «Записки эсэсовца» и «На службе гестапо». Газета «Правда» высоко отзывалась об этих книгах, которые выходили крупными тиражами в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». А теперь «Правда» поместила

статью Заславского о немецком шпионе Георге Борне, «этом гнусном продукте гестапо, который наконец-то разоблачен и должным образом наказан». Заславский не указал настоящее имя Георга Борна, поэтому дипкорпус и журналисты так и не поняли, что эта статья объясняла неожиданное исчезновение видного советского дипломата.

Тысячи людей, во всех правительственных учреждениях, стали жертвами безжалостных чисток. Многих из них я близко знал. Было просто невозможно поверить в те обвинения в измене, которые выдвигала пресса против этих преданных сотрудников. Все это выглядело кошмаром.

Разговаривая со своим, похоже, сочувствующим собеседником, я чувствовал облегчение. Но когда я повернул к своему дому, меня охватило чувство тревоги.

– Мой друг, – сказал я себе, – сегодня ты слишком много говорил. Это вряд ли останется без последствий...

Западня

Спустя несколько дней мой помощник, с которым я так откровенно разговаривал, был срочно вызван в Москву. Мы попрощались в моем кабинете, никак не вспоминая о том памятном для нас разговоре. Но у меня закралась мысль, не попросил ли он сам об этом вызове, чтобы лично доложить о моих настроениях. Вскоре я получил письмо от моего друга из Наркоминдела. Он сообщал, что полпред Кобецкий, которого я замещал, умер в московском госпитале. Я опечален был его смертью и спросил, что следует делать с его документами, но ответа от Литвинова не последовало. Затем в один из дней ко мне в кабинет зашел шифровальщик Лукьянов с телеграммой от заместителя Литвинова Потемкина. Он выглядел смущенным.

– Я только что получил личное указание от Потемкина, – сказал он. – Я должен опечатать документы Кобецкого и отправить их в Москву. Что мне делать?..

Это указание должно было направлено только мне как главе дипломатической миссии. Налицо беспрецедентное нарушение установленного порядка, и оно могло быть только сознательным.

– Мы обязаны выполнить указание наркомата, – ответил я.

Было ясно, что Лукьянов, брат которого занимал важ-

ный пост в ЦК ВЛКСМ, пользовался у тех, кто следил за нашей лояльностью власти, особым доверием. Потемкин не мог предполагать, что через две недели, по горькой иронии судьбы, высокопоставленный брат Лукьянова будет заключен в тюрьму как «враг народа».

К этому времени, должен сказать, у меня пропало всякое желание работать; контакты в дипкорпусе и в афинском обществе стали невыносимыми. Я не посещал приемы и отказывался от приглашений. Если бы я смог спрятаться где-нибудь в пустыне, я бы сделал это. Ну что я мог ответить, если бы какой-то иностранный дипломат вежливо поинтересовался бы у меня тем, что происходит в России? Конечно, я мог бы дать стандартный ответ:

– Теперь, после разоблачения предателей, Красная Армия сильна как никогда. С таким гением, как Сталин, мой дорогой сэр, нам нечего бояться!

Мне вспоминалось выражение моего друга посла в Париже Валериана Савельевича Довгалецкого. «Дипломат отличается от свидетеля в суде, – говорил он, – только одним: он должен говорить правду и ничего, кроме правды, но он никогда не должен говорить всей правды». Правда! Я не мог сказать даже самой малой ее части.

Моя служба за границей в силу моего резкого несогласия с политикой Кремля стала невозможной. Мне надо было уходить. Я написал в Москву письмо с просьбой отозвать меня и приготовился к встрече с судьбой. Даже по московским стан-

дартам против меня не было никаких улик, но неприятностей, конечно, не избежать. Заключение или просто ссылка в какой-нибудь отдаленный регион России мне были обеспечены. Как говорится, не я первый.

Но возникла другая проблема. Могу ли я взять с собой любимую женщину, которая должна стать моей женой?

В Москве свирепствует кампания подозрительности и ненависти в отношении всех иностранцев. С беспощадной тщательностью уничтожалась иностранная колония, эти честные и бескорыстные энтузиасты, которые приехали в Россию, чтобы поставить свои знания на службу социалистическому правительству. Сотни людей были брошены в тюрьмы, казнены или сосланы в Сибирь. Если на меня падет подозрение, то я ничем не смогу помочь ей. Имею ли я право пожертвовать столь дорогим мне человеком, увлечь ее вместе с собой на путь лишений и страданий только потому, что она любила меня и верила мне?

В тот момент она была в Париже на конгрессе архитекторов, и я написал ей о своем предстоящем отъезде в СССР, попросив ее на время отложить мысль о возможности нашего совместного отъезда. Я просил ее не тревожиться, если я какое-то время не буду писать ей. Несмотря на мое молчание, она не должна терять веру в меня. Могут пройти годы, прежде чем мы снова будем вместе.

Я написал письмо и своим сыновьям, которые после смерти моей первой жены жили с моей матерью. Скоро они уви-

дят своего отца. Я писал, что везу им обещанные в подарок велосипеды, а также портфели и альбомы с марками – невероятное сокровище.

Проходили дни, но ответа от М. М. Литвинова не было, и я начал нервничать. Были, однако, и признаки того, что Москва не забывала обо мне. Однажды утром в июле я приехал в миссию раньше обычного и застал одного служащего роящимся в моем столе. Он оказался столь же смущенным, сколько и я.

– Я ищу тут вчерашнюю телеграмму... о визах, – промямлил он.

– Буду вам очень признателен, если вы поищите ее где-нибудь в другом месте, – ответил я.

Еще через несколько дней, спускаясь по лестнице, я заглянул через стеклянную дверь в свой кабинет и увидел, как Лукьянов шарит в моем портфеле. Я резко повернулся и вошел. В руках у него были мои личные документы. Мы молча смотрели друг на друга. Сказать было нечего.

В тот же день я получил письмо от моего сына Бориса, которого я всегда называл старшим потому, что из близнецов он казался мне большим. Борис писал, что они с бабушкой едут на юг – «далеко, далеко... купаться в море». И далее был следующий абзац: «Дорогой папа, нам в школе читали приговор, вынесенный троцкистским шпионам Тухачевскому, Якиру, Корку, Уборевичу и Фельдману... (Все имена мальчик написал правильно, очевидно, его заставили их за-

учить.) Это не тот ли Фельдман, который жил в нашем доме?».

Мне вспомнилась поэма, написанная двенадцатилетним школьником и опубликованная в московских газетах во время процесса над Зиновьевым. Каждая строфа заканчивалась рефреном: «Расстреляем всех как бешеных сук!».

Что же подумают мои мальчики, если меня арестуют по какому-нибудь чудовищному фальшивому обвинению? Они поверят официальным сообщениям.

Никто не выступит в мою защиту, и я никогда не смогу оправдаться. И навсегда потеряю своих сыновей. Я подумал, что, только оставаясь за границей, буду иметь шанс сказать им когда-нибудь правду и снова обрести их.

Эти мысли держали меня в состоянии напряжения. Чтобы как-то отвлечься, я в пятницу, 16 июля, договорился поехать на рыбалку с братом моей невесты Джорджем.

В тот же день мне позвонил коммерческий атташе. Мы поговорили о том о сем, а затем он мимоходом сказал:

– Ну, Александр Григорьевич, увидимся на судне, как договорились. Могу я заехать за вами в семь часов?

– На каком судне? – спросил я.

К своему изумлению, я узнал от него, что накануне в Пирее бросил якорь пароход «Рудзутак»⁵ и что я, оказывается,

⁵ Пароход был назван в честь Яна Рудзутака, заместителя председателя советского правительства и близкого друга Ленина, который позже был объявлен «врагом народа» и исчез.

уже принял приглашение поужинать с капитаном! По дипломатическому протоколу, капитан свой первый визит должен был нанести мне. Вместо этого меня даже не проинформировали о прибытии судна.

– Боюсь, что не смогу, – ответил я атташе. – У меня этот вечер занят.

– Но все уже готово, вас ждут – вы обещали прийти.

– Я ничего никому не обещал, – ответил я холодным тоном и повесил трубку.

Через десять минут капитан «Рудзутака» позвонил мне из Пирея. Он извинился за то, что не смог нанести мне визит, сослался на необходимость срочного ремонта на судне и просил меня приехать на ужин. Он обещал представить мне своего нового замполита и старшего помощника. Он также хотел обсудить со мной несколько важных вопросов, и к тому же у него отличный повар.

– Сожалею, но я еду в Волагмени, – ответил я сухо. – Если я вам нужен, вы можете туда приехать.

В тот вечер около восьми часов мы с Джорджем сели в лодку и налегли на весла. Залив Волагмени был идилически тих; в глубине темного неба сияли звезды, но меня этот пейзаж не радовал. Я думал о другом. Я пытался отделаться от напрашивающегося вывода о том, что эти люди слишком настойчиво пытались заманить меня на судно. Это было так недостойно. Недостойно всех – этих людей, моего правительства и меня самого.

В сумерках мы увидели приближение автомобиля, который подъехал к причалу. Из машины вышло несколько человек. Они стали пристально всматриваться в серую даль залива.

— Они ищут нас, — сказал я. — Давай грести к берегу.

На причале я увидел капитана, его двух новых помощников, коммерческого атташе и двух сотрудников миссии. Мы поздоровались. Говорить о чем-либо на берегу было неудобно, и я пригласил всю компанию в ресторан. За столом чувствовалась атмосфера наигранного веселья. После десерта капитан предложил всем поехать на судно и продолжить наш вечер. Я снова отказался, размышляя о том, все ли они участвуют в этом сговоре.

После того как основная часть компании ушла, один из сотрудников миссии остался со мной за столом. Мне было известно, что помимо своей основной работы в миссии он выполнял и некоторые секретные функции.

Мы сидели на террасе, выходящей на залив, и смотрели друг на друга. Атмосфера была напряженной. Маленькое происшествие обострило обстановку еще больше. Официант принес нам чашечки кофе, и, когда он брал деньги, руки его дрожали. У него было смертельно бледное лицо и застывший безжизненный взгляд. Неожиданно он забился в эпилептическом припадке. Наш разговор был прерван жутким стуком — это голова официанта в судорогах билась о соседний столик. Пока официанта уносили, мой гость начал рас-

сказывать мне странную историю.

— Когда я был в Китае, — начал он, пытаясь придать своему голосу спокойное звучание, — я узнал, что один секретарь консульства решил порвать со службой. В то время я исполнял обязанности консула. Я поручил ему отвезти диппочту до самой границы. Чтобы не вызвать у него подозрений, я наказал ему не пересекать советскую границу. Почта будет получена у него на китайской территории, и ему самому поэтому не нужно никаких документов.

Мой незванный гость сделал паузу и отхлебнул кофе. Он неотступно следил за мной. Возможно, он ждал от меня вопроса: «А что было дальше?». Но я молчал. Рассказ продолжился:

— Шофер нажал на педаль газа и мчался без остановки, пока они не пересекли границу и не подъехали к ближайшему посту ОГПУ, где нашего друга-конспиратора уже ждали.

Рассказчик снова сделал паузу.

— Когда этот парень понял, что его перехитрили, он пытался выпрыгнуть из машины, но ему этого сделать не удалось. Секретарю повезло. Он отделался несколькими годами тюрьмы. Могло бы для него все закончиться куда хуже... А вот история переводчика из пекинского посольства несколько сложнее. Ему даже удалось бежать в Ханькоу. Но наши люди напали на его след и двум надежным китайцам поручили его ликвидировать. Те вскоре вступили с ним в контакт и уговорили как-нибудь поужинать вместе. Но переводчик

почуял неладное и не появился в ресторане. На следующий день они выследили его и стреляли прямо на улице. Правда, по счастливой случайности, он не погиб. Подвернувшаяся машина французского посольства подобрала его, прежде чем китайцы смогли прикончить.

Рассказчик сделал неопределенный жест пальцами, как бы выражая свое неудовольствие по поводу неумелых действий китайцев.

– Но беглец получил хороший урок, думаю, что он нам больше не доставит хлопот, – заметил мой гость с искренностью в голосе.

– Конечно, нет, – ответил я.

Следующие слова моего собеседника не оставляли никаких сомнений в том, что он имел в виду.

– Вы знаете, – неторопливо продолжал он, – в этой стране совсем нетрудно избавиться от человека. Всегда есть те, кто охотно возьмется за эту работу за пять или десять тысяч драхм, и, поверьте мне, полиция ничего не узнает. – Он бросил взгляд в сторону каменистого берега: «Идеальное место для такой операции».

– Конечно, – согласился я.

– Мне вспоминается еще одна история...

Но мне уже было вполне достаточно его малоприятных рассказов.

Поэтому я поспешил отделаться от моего невольного собеседника.

– Спасибо, – сказал я. – Эти гангстерские истории не идут ни в какое сравнение с рыбалкой.

Я нехотя пожал ему руку и ушел. Эта встреча, нудный разговор и пожатие руки моему потенциальному убийце до сих пор остаются у меня самым неприятным воспоминанием. Но, возможно, мне удалось бежать именно благодаря таким формальным любезностям. Без каких-то открытых действий с моей стороны для них было бы неоправданным провоцировать меня на разрыв. Теперь у меня уже не было никаких сомнений относительно того, что меня ожидало на судне. Поверят ли они мне, если я скажу, что просто жду ответа из Москвы и добровольно готов вернуться? Мое чувство собственного достоинства с негодованием отвергало альтернативы: смириться с похищением или просто бежать. После того, что я услышал, я хорошо понимал, что меня может ожидать. Мне предстояло решить, когда я принесу больше пользы русским людям: если погибну в сталинском лагере или если буду жить где-нибудь как свободный человек, зная правду и рассказывая ее людям. На следующее утро я, как обычно, появился в миссии. Сразу же заметил, что Лукьянов проявил необычный интерес к моим планам на вечер. После работы, любезно разговаривая со мной, он предложил прогуляться вместе. Я отказался. Мне надоело это фальшивое дружелюбие.

– Вы сегодня ночуете в миссии или на даче? – спросил он меня.

– На даче, – ответил я.

Но вместо этого я остался в городе и переночевал в горном отеле в Кефиссе. Когда я на следующее утро приехал на дачу, то на песчаной тропинке сада, еще сырой от прошедшего ночью дождя, я увидел следы ботинок нескольких посетителей, а на дороге, ведущей к дому, была видна свежая колея от автомобильных шин.

«Ну, – подумал я, – если вы приезжали в такой ранний час, значит, вы торопитесь».

Времени для размышлений не оставалось. Я попросил Джорджа поехать со мной в миссию. Мы оба были не вооружены, но мне казалось, что наличие спутника будет полезно. Я зашел в свой кабинет и написал телеграмму Потемкину, информируя его, что намерен безотлагательно взять очередной отпуск и оставить за себя следующего за мной по рангу атташе, который накануне вечером был моим гостем за ужином. Я вызвал Лукьянова и приказал ему немедленно зашифровать и отправить эту телеграмму.

Мы с Джорджем поднялись на второй этаж, где у меня была квартира. Через несколько минут раздался стук в дверь и вошел атташе. Он, очевидно, уже знал о телеграмме. Увидев нас двоих, он заметно сник и стал предупредителен. Сказал мне, что он неожиданно узнал о моем отъезде в отпуск и пришел поинтересоваться моим здоровьем. Я поблагодарил его за внимание, ответив, что чувствую себя прекрасно. После неловкой паузы он ушел.

Я взял свой паспорт, несколько фотографий и писем, последний раз окинул взглядом знакомую комнату. Джордж напряженно следил за моими движениями.

Мы медленно спустились по лестнице. Внешне это был обычный выход главы миссии со своим другом. Никто не пытался нас остановить. Но я видел испуганные лица некоторых сотрудников миссии, наблюдавших за нами из-за приоткрытых дверей. Очевидно, они думали, что мы были вооружены и готовы прорываться с боем. Привратник распахнул двустворчатые двери, ведущие во внутренний дворик. Он поклонился, и я улыбнулся ему в ответ. Мы сели в машину и выехали на шумную улицу.

Моя дипломатическая карьера завершилась. Подведена черта под двадцатилетней службой советской власти. Я неожиданно для себя и окружающих стал человеком без Родины...

Город изнывал от жары. Мы поехали в горы по дороге на Кефиссу и остановились в отеле. После бессонной ночи я собрался с силами для последнего шага. Я отправил в Москву письмо с заявлением об отставке. Потом попросил Джорджа заказать мне билет на экспресс в Симплон. Там я пошел во французскую миссию, где был очень дружелюбно встречен молодым поверенным в делах господином Пьеррфиттом. Мы обменялись последними афинскими политическими слухами, и между делом я заметил, что отправляюсь в отпуск и хотел бы посетить Францию. Не будет ли он так лю-

безен проштамповать мой паспорт, который кстати оказался у меня с собой. Конечно – он будет просто счастлив. Вопрос был решен за несколько минут.

Прошлой ночью я заметил, что пара греков из числа «попутчиков», которые были хорошими друзьями нашей миссии, ни на минуту не выпускала нас из поля зрения. Очевидно, они были добровольными шпионами ОГПУ. Когда мы отправились из отеля на железнодорожную станцию, они последовали за нами на почтительном расстоянии. Они были и на платформе, когда мы садились в поезд. Джордж, который знал их лично, перед тем как отправиться в буфет, помахал им рукой и прокричал что-то приветственное. Он вернулся в купе с фляжкой коньяку.

– Сделай глоток, это поможет тебе, – сказал он, протянув мне сосуд с живительной влагой. – Передай привет сестренке. О плохом не думай, все образуется.

Мы обнялись и горячо пожали друг другу руки.

Поезд набирал скорость. Я смотрел в окно, стараясь не думать о предстоящей жизни. Нервы мои были напряжены, мысли так и роились в голове. Вскоре я погрузился в воспоминания о последних двух годах, проведенных на земле солнечной Греции, чей гостеприимный народ, горы, покрытые виноградниками, разбросанные среди лазурного моря острова стали мне так дороги.

Я не смогу объяснить читателю, какие мысли наполняли меня в симплонском экспрессе, который как стрела уносил

меня от моего дома в Афинах, если не объясню, что я приехал в этот город одиноким и разочаровавшимся в жизни человеком. И Бог знает, как бы у меня все пошло дальше, если бы я не встретил здесь свою большую любовь. Должен откровенно сказать, в моих поездках по стране, в контактах с людьми меня направляла женщина, которая сама была красива и понимала красоту своей страны. Она показала мне свою родину не только как страну многочисленных легенд, она сделала ее для меня, как это было в прошлом, вместилищем всего лучшего, что есть в сознании человека. Теперь я должен был встретиться с этой женщиной в Париже и заручиться ее поддержкой на будущее, полное риска и опасности. От лица нас двоих я прощался с идиллической картиной, на фоне которой зарождалась наша любовь. Это было грустно, но судьба не оставляла мне другого.

Когда я встретился с ней в Париже, нам некоторое время вместе пришлось скрываться от ходившей по пятам опасности. Для меня наиболее естественно было бы обратиться к французским властям, сообщить о моей отставке, объяснить ее причины и попросить защиты. Надеяться на что-то другое не приходилось. «До тех пор, пока мое дело не приобретет огласку, – думал я, – агенты Сталина будут всеми силами пытаться уничтожить меня». Расчет тут был прост: если меня удастся своевременно «ликвидировать», то никто даже и не узнает, что в действительности со мной случилось. Я просто исчез бы с лица земли, как исчезли Юренев в Бер-

лине, Давтян в Варшаве, Бекзадян в Бухаресте и еще девять или десять наших послов в иностранных государствах. Я это прекрасно понимал и тем не менее четыре месяца подвергал себя напрасному риску по причинам, которые я могу в немалой степени объяснить чувством глубокого омерзения и стыда за свое правительство. Я считал, что если режим, который я помогал создавать, пал так низко, то и я за это обязан разделять ответственность. Он не заслуживал снисхождения. Ничто не заслуживало снисхождения. Это не романтика, а чистая правда, что только любовь и мужество Мари сохранили во мне волю к жизни и способность к борьбе.

В укрытии

Агенты ОГПУ, по всей видимости, были в замешательстве, когда я, проявив решительность, спокойно покинул здание посольства. Однако они быстро принялись за работу. Сначала к моей будущей теще в Афинах нагрянули визитеры из числа каких-то «друзей» нашей миссии.

– Бармин – враг Советского Союза, и он будет сурово наказан, – сказали ей эти люди. – Это конченный человек. Напишите своей дочери и предложите ей порвать с ним. И дайте нам ее адрес.

На тот момент моим единственным преступлением было заявление об отставке, но по советским меркам этого было вполне достаточно, чтобы на деле реализовать угрозу расправиться со мной полной мерой.

Подобные визиты и телефонные звонки оказывали постоянное давление на бедную женщину. В конце концов ей сказали, что жизнь ее дочери в опасности, так как я уже приговорен к смерти. Для того чтобы спасти Мари, она должна дать им ее парижский адрес. С помощью угроз им удалось вырвать у несчастной женщины адрес, но он уже был устаревшим. Мы оба успели сменить отели.

Через двое суток к матери Мари снова пришли «друзья» советской миссии.

– Вы нам дали неправильный адрес, – заявили они. Оче-

видно, полученные от нее сведения были направлены в Париж, где агенты ОГПУ провели проверку и сообщили в Москву, что я переехал. Москва направила в Афины новые указания, и агенты-греки снова бросились по следу ОГПУ действовало очень быстро, без обычного бюрократизма и не жалело денег. Главное было – поймать меня, прежде чем я успею рассказать о себе.

Новые усилия агентуры ОГПУ принесли некоторый успех. Находясь в Париже, Мари получала свою почту на адрес клуба «Дом культуры», объединявшего прогрессивных интеллектуалов и художников. Однажды, когда она зашла за почтой, ей сказали, что ее корреспонденция находится у менеджера клуба, некоего месье Николаса, который хотел бы ее видеть. Менеджер спросил, слышала ли она об организации под названием «Друзья Советского Союза»? Президент этого клуба месье Ковалев хотел бы обсудить с ней один важный вопрос. Не могла бы она позвонить ему и договориться о встрече?

– Что это за организация и кто состоит в ней? – спросила Мари.

– Она объединяет друзей Советского Союза. Большинство из них бывшие белоэмигранты.

– Но что может быть общего у греческого архитектора с белыми эмигрантами в Париже? – ответила Мари.

– Ну, они уже больше не белые. Они симпатизируют советскому режиму и хотят вернуться в Россию.

– Почему же они не возвращаются? – наивно спросила Мари.

Менеджер Николас явно не обладал опытом в таких делах и стал выкручиваться.

– Вы знаете... сначала они должны доказать лояльность Советам своей работой здесь, во Франции.

Выдавив из него весьма существенное признание, Мари поспешила закончить этот неприятный разговор, пообещав как следует обо всем подумать.

В моем заявлении об отставке, которое незамедлительно было отправлено в Москву, я указал в качестве обратного адреса парижский Главпочтамт. «Если московские деятели захотят мне ответить, – резонно подумал я, – то советское полпредство в Париже может направить мне письмо по этому адресу». Но официальные советские представители не должны быть замешаны в «мокрых делах»⁶. Возможность доказать таким образом свою лояльность предоставлялась друзьям Советского Союза.

В тот вечер мы с Мари решили, что пока ей не стоит встречаться с месье Ковалевым. Но когда она в следующий раз пришла за почтой, ее снова встретил менеджер и спросил: «Почему вы не позвонили месье Ковалеву? Он очень хотел с вами встретиться по делу, которое может иметь чрезвычайно большое значение и для вас. Вы должны немедленно позвонить ему...»

⁶ Русское выражение, обозначающее заговор с целью убийства.

Мы снова обсудили этот вопрос и решили, что ей все-таки надо пойти на контакт с Ковалевым и выяснить, чего тот добивается. Мари позвонила ему и договорилась о встрече на следующий день в греческом павильоне на Всемирной парижской выставке. На следующий день она прождала Ковалева в павильоне, но тот в течение почти трех часов так и не появился.

В тот же день из газет стала ясна причина. В них сообщалось об убийстве Игнатия Рейсса (Порецкого), бывшего резидента советской разведки в Западной Европе, который в знак протеста против московских расстрелов порвал с Советским Союзом. Его заявление об отставке было составлено в очень сильных выражениях.

«Пусть никто не заблуждается, – писал он. – Правда торжествует. День отмщения гораздо ближе, чем это кажется кремлевским обитателям. Ничто не будет забыто и не прощено. “Гениальный вождь, Отец народов и Солнце социализма” будет призван к ответу. Все дадут показания против тирана. Международное рабочее движение восстановит честное имя тех, кто был оклеветан, кто был расстрелян, будучи невиновным. Сегодня тот, кто не выступает против Сталина, является его сообщником...»

Рейсс в поисках убежища для себя и своей семьи отправился в Швейцарию. Там к ним присоединилась одна женщина из Рима, которая на самом деле была агентом ОГПУ. Притворяясь, что она одобряет решение Рейсса, Гертруда

Шильдбах, одна из ближайших его доверенных помощниц, — об этом имени стало известно вскоре из прессы, — заманила своего шефа в западню. Тело Рейсса с пятнадцатью пулевыми ранениями было найдено на обочине дороги, ведущей в Шамблан. Согласно газетным сообщениям, было установлено, что к этому преступлению была причастна Москва, и в частности ведомство Ежова. Сам начальник ОГПУ имел прямую телефонную связь со Сталиным. От него, видимо, и пришло это страшное указание. Убийство Рейсса, как стало после известно, обошлось его организаторам в 300 000 франков.

На следующее утро Мари позвонила по оставленному Ковалевым номеру и спросила, почему была нарушена договоренность. Секретарь ответил, что месье Ковалев неожиданно уехал по срочному делу на неопределенное время. На следующий день в газетах были новые подробности о расследовании убийства Рейсса. Полиция установила, что один из арестованных убийц принадлежал к организации Ковалева, и он дал показания на других членов. У Ковалева был проведен обыск, но названным лицам удалось скрыться. Впоследствии удалось отыскать их следы в барселонской штаб-квартире ОГПУ, но там они были в безопасности.

Раньше я никогда не слышал о Рейссе, но так случилось, что мое заявление об отставке и его письмо о разрыве с режимом Сталина были отправлены в Москву в один и тот же день. Таким образом, перед агентами ОГПУ в Западной Ев-

ропе встала задача одновременной двойной «ликвидации». Меня им не удалось найти. Поэтому они сначала расправились с Рейссом. Видимо, это была случайность, но именно она и спасла мне жизнь. Происшедшее временно нарушило их организацию, им надо было укрыть провалившихся агентов и сформировать новую террористическую банду.

Новым агентам скоро удалось найти мое укрытие в местечке Сэнт-Клу. Каждый раз, когда я выходил из дома, за мной велась слежка. Мои преследователи даже не старались маскироваться. Временами, пытаясь подслушать мой разговор, они буквально наступали мне на пятки. Моя тактика заключалась в том, чтобы, повернувшись, столкнуться с ними лицом к лицу. В результате одни исчезали, но вскоре их место занимали другие. Таким образом, эта бригада менялась за день четыре-пять раз. Они следовали за мной везде: в метро, в ресторан, в табачную лавку. Когда я возвращался домой, эта бригада убийц дежурила у меня под окнами. Эта война нервов стала особенно напряженной, когда я узнал от своих друзей, что советская миссия в Афинах хранила гробовое молчание о моем внезапном исчезновении.

«Похоже, – думал я, – они хотят избавиться от меня потихоньку».

Как-то после обеда я опрометчиво оказался на прогулке в Сэнт-Клу. Просто захотелось прогуляться по парку. Внезапно я увидел, что мой путь заблокирован крупным блондином славянского типа; повернулся в другую сторону и увидел на

своим пути художавого французского воришку. Свободным оставался только путь в чашу. Моим первым побуждением было направиться именно туда, но я быстро сообразил, что таким образом я оторвусь от остальных гуляющих и влюбленных парочек, которые повсюду сидели и лежали на траве. Я вдруг понял, что именно они и создают мне гарантию безопасности. Единственный выход – действовать решительно. Я резко повернулся и пошел в направлении более людного места. Держа недвусмысленно руку в кармане брюк, я пошел на маленького воришку. Он на момент замешкался, вытаращил на меня глаза и позволил мне беспрепятственно пройти мимо. Это был один из целого ряда случаев моего преследования агентами Москвы, и, слава богу, все обошлось тогда благополучно.

Между тем новости из СССР были все те же: обвинения, аресты, исчезновения, казни. У меня исчезли последние сомнения относительно того, какая судьба ждет меня, если я вернусь. Весь мир следил, как ОГПУ уничтожало наш дипломатический корпус. До меня доходили слухи, что арестован наш бывший посол в Мадриде Марсель Розенберг, более суровая участь постигла посла в Турции Леона Карахана, который был арестован и расстрелян; при загадочных обстоятельствах умер посланник в Эстонии Алексей Устинов (племянник Столыпина), он, кстати, в конце 20-х годов был полпредом в Греции; бесследно исчезли посол в Германии Константин Юренев, посол в Польше Яков Давтян, посланник

в Литве Борис Подольский, посланник в Финляндии Эрик Асмус, посланник в Венгрии Александр Бекзадян, посланник в Швеции Якубович... Все они были жертвами кремлевской диктатуры⁷.

Сталин, думал я, меняет команду перед сменой политики. И поэтому я считаю своим долгом возвысить свой голос и предостеречь тех моих коллег, которые еще находились за границей, от возвращения на верную смерть. Я также хотел привлечь внимание к судьбе тысяч жертв Сталина в России. Я не мог молчать и решил выйти из своего укрытия.

Моим первым шагом стала публикация открытого письма в Центральный комитет Французской лиги прав человека и Комитет по расследованию московских процессов. Приведу наиболее важные выдержки из этого письма.

«1 декабря 1937 года

Покинув недавно государственную службу Советского Союза, считаю своим долгом довести до вашего сведения следующие факты и заявить во имя Человечности решительный протест против преступлений, список которых растет с каждым днем... Девятнадцать лет я служил Советскому государству, девятнадцать лет я был членом большевистской партии. Я боролся за советскую власть и посвятил все свои силы делу государства трудящихся.

В 1919 году я вступил добровольцем в Красную Армию, через шесть месяцев за свои заслуги на

⁷ Большинство из них было расстреляно без суда.

поле боя был назначен комиссаром, сначала батальона, затем полка. Окончив школу красных командиров, я занимал ряд командных постов на Западном фронте. После наступления на Варшаву военный совет 16-й армии направил меня на учебу в Академию Генерального штаба. В 1923 году я уволился с военной службы в звании комбрига. В 1923–1925 годах я исполнял обязанности генерального консула СССР в Персии; в течение десяти лет был в кадрах Наркомвнешторга; в 1929–1931 годах был генеральным директором торговых представительств во Франции и Италии; в 1932 году был официальным представителем СССР в Бельгии; а в 1933 году – членом советской правительственной делегации на переговорах в Польше; в 1934–1935 годах был директором треста «Автомоторэкспорт», осуществлявшим весь экспорт продукции автомобильной и авиационной промышленности.

Такова вкратце моя биография до моего назначения в Грецию. На всех постах моей единственной целью всегда была защита интересов моей страны и социализма.

Недавние судебные процессы в Москве привели меня в ужас и смятение. Я не могу оправдать казнь старых лидеров революции, несмотря на их развернутые признания... События последних нескольких месяцев окончательно избавили меня от иллюзий. Громко разрекламированные судебные процессы были инсценированы с целью уничтожения

основного ядра большевистской партии; другими словами – людей, которые в прошлом, рискуя жизнью, вели подпольную агитацию, совершили революцию и одержали победу в Гражданской войне, которые добились победы первого в мире государства трудящихся. Сегодня этих людей мажут грязью и передают палачам. Мне совершенно ясно, что в моей стране одержала верх реакционная диктатура. Многие из моих руководителей и друзей из числа старых большевиков брошены в тюрьмы, где либо казнены, либо «подавлены»... Убежден, что их честность и преданность не подлежат сомнению.

Я хочу обратиться к общественности с этим важным и отчаянным призывом от имени тех, кто еще жив, заявить протест против чудовищных и лживых обвинений. Я думаю о тех своих друзьях, которые еще остаются на своих постах в различных странах Европы, Азии и Америки, которым угрожает такая же судьба...

Если бы я остался на службе у Сталина, я бы считал себя морально оскверненным и должен был бы принять свою долю ответственности за преступления, которые ежедневно совершаются против народа моей страны...

Разрывая со своим правительством, я подчиняюсь голосу своей совести...

Пусть мои слова помогут людям понять природу режима, который, по существу, отбросил принципы социализма и гуманности»⁸.

⁸ Федор Раскольников, посланник в Софии, услышав этот призыв, бежал и

Отправив это письмо, я обратился к лидерам Французской социалистической партии, которая в тот период входила в правительство. Эти весьма занятые люди приняли меня очень сердечно. Отложив на несколько часов свои дела, пока я рассказывал им свою историю, они внимательно выслушали меня. Затем они действовали быстро. Министр внутренних дел Маркс Дормой выдал мне и Мари разрешение на постоянное проживание. Префект полиции выделил постоянную охрану из двух детективов и поставил ночной полицейский пост у моего дома. Но самым ценным – о чем мечтали все эмигранты – было то, что наше разрешение на постоянное жительство давало нам право работать и зарабатывать себе на жизнь.

Теперь, после вынужденного одиночества, я был окружен новыми друзьями, поверившими мне и которым я мог довериться. Приятным сюрпризом было и то, что мне удалось возобновить некоторые старые дружеские связи. Я снова встретился с Виктором Сержем, талантливым писателем.

получил убежище во Франции. Там он был отравлен агентами ОГПУ и умер в самом начале войны. Мой другой друг, посланник в Бухаресте Островский, был отозван в Москву. Островский был известен тем, что, несмотря на еврейское происхождение; он во время Гражданской войны стал комиссаром Конной армии Буденного. Эта армия, комиссарами которой были Сталин и Ворошилов, была известна частыми проявлениями дикого антисемитизма – случай довольно уникальный в истории Красной Армии. Когда Островского вызвали в Москву, он заколебался и даже списался со своими друзьями во Франции относительно возможности получения убежища, однако получил личное письмо от своего товарища по оружию Ворошилова.

Ему, кстати, чудом удалось бежать из сталинской тюрьмы. Он рассказал мне, что все его родственники в России, даже по линии жены, были арестованы; тесть умер, не выдержав преследований, которым он подвергался, а его жена почти полностью потеряла рассудок.

Пришел навестить меня и мой друг с 1922 года Борис Суварин, автор монументальной биографии Сталина. Пятнадцать лет прошло со времени нашей последней встречи, но мы сразу узнали друг друга. Хотя виски у него и поседели, речь его была столь же оживленна и саркастична, как и много лет назад в Москве.

– Молодой офицер Красной Армии стал на пятнадцать лет старше и намного мудрее, – сказал он, улыбнувшись печальной улыбкой, – впрочем, все мы стали мудрее, чем прежде...

Здесь я впервые встретился с Александром Керенским, бывшим премьером российского республиканского правительства; лидером русской либеральной партии Милюковым; лидером меньшевиков Теодором Даном. Эти ветераны были со мной очень искренны и сердечны, на их теплоту несколько не влияло то, что перед ними был ныне разочаровавшийся их бывший политический противник.

Однажды меня посетил молодой человек в рабочей одежде, на лице которого были видны следы преждевременного истощения, но все же очень энергичный, остроумный, готовый по любому подходящему поводу искренне смеяться. Это был Леон Седов, сын Льва Троцкого, который уже не раз был

приговорен к смерти московскими судами. Он жил на шестом этаже многоквартирного дома, в квартире, до отказа заполненной книгами и ящиками с архивными материалами. На той же лестничной площадке рядом с ним, как он впоследствии выяснил, жил агент ОГПУ, следивший за каждым его шагом.

Бедный Леон Седов! Он был так полон кипучей энергии, так погружен в свой уникальный тридцатилетний опыт политической деятельности, и он погиб так трагически. Его смерть окружена тайной, которая, наверное, так никогда и не прояснится. У него был хронический аппендицит, и во время очередного острого приступа, по зловещему стечению обстоятельств, он был помещен в частную клинику, принадлежавшую белому эмигранту с очень подозрительными связями. После операции наступили осложнения, но он был оставлен без необходимого ухода и умер.

Несмотря на некоторые тревожные обстоятельства, мы постепенно налаживали нормальную жизнь. Мать Мари приехала в Париж на нашу свадьбу. Церемония проходила в присутствии нескольких друзей. Ритуал греческой Православной Церкви требует двух свидетелей. Одним из них стал старый друг семьи Мари, видный греческий деятель генерал Николас Пластирас. Другим – светловолосый шотландец Перси Филипс, известный корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс», мой друг и замечательный человек.

С помощью своих французских друзей я получил работу

в мастерской компании «Эйр Франс» в аэропорту Ле Бурже. На первых порах мои коллеги не могли не заметить, что я практически разучился работать руками. Меня глубоко трогала их готовность помочь. И хотя они практически ничего не знали обо мне, кроме того, что я был политэмигрантом, они не задавали вопросов. Они обнаруживали больше природного такта, чем мне приходилось видеть в мире дипломатии.

Я прекрасно чувствовал себя на новой работе, но скоро я ощутил, что мои прежние хозяева не забыли обо мне. Однажды вечером у проходной меня остановил лидер профсоюза, в который входили те, с кем я работал. Он поинтересовался моим самочувствием и затем сказал, что рекомендовал меня на более высокооплачиваемую работу в администрации аэропорта. Его интерес удивил меня. Мне показалось странным, что профсоюзный лидер дожидался меня у ворот, чтобы предложить мне, не члену профсоюза, лучшую работу. Это озадачило меня еще больше, когда я узнал, что он являлся приверженцем Сталина. Но я все-таки прошел необходимые тесты и получил хорошую работу в управлении воздушным движением аэропорта.

Спустя несколько дней я узнал, что мне предстоит ночное дежурство. Это озадачило меня, так как я в течение нескольких часов должен был оставаться один во всем здании. Я знал, что каждое утро в Барселону вылетал испанский самолет. И было совсем несложно организовать все так, чтобы

однажды утром я вдруг оказался в Барселоне, а там ОГПУ делало с антисталинистами все, что хотело. Французский полицейский комиссар, которому была поручена моя охрана, был в шоке, когда узнал, что я назначен в ночную смену. Он поговорил с директором аэропорта, и меня избавили от ночных смен.

Это чрезвычайно огорчило профсоюзного лидера, и я понял, что ОГПУ отнюдь не желает оставлять меня в покое. Тем не менее мне было неловко, что меня постоянно сопровождали два детектива, и я заявил комиссару, что сам позабочусь о своей безопасности.

Наверное, это был с моей стороны опрометчивый шаг, ибо вскоре я снова почувствовал «внимание» Москвы. Как-то вечером после работы я зашел к Перси Филипсу из «Нью-Йорк таймс» на Рю Комартин. Мне нравилось иногда бывать в уютном офисе этого шотландца и слушать его остроумный разговор. Здесь я хотел бы заметить, что, хотя многие во Франции были добры ко мне, я больше всего ценю гостеприимство и теплоту, с которой меня встречал Филипс и другие сотрудники парижского отделения «Нью-Йорк таймс»: высокий спокойный швед Джордж Аксельсон, флегматичный и сонный на вид, но вечно занятый за своим захламленным рабочим столом, Лансинг Уоррен, невысокий и толстый, всегда энергичный и темпераментный Аркамболт. Я хочу выразить мою благодарность и признательность всем этим людям, которые помогали мне в те трудные дни.

В тот вечер Перси Филипс приветствовал меня особенно радостно.

– Привет, мой юный друг! – заявил он. – Поздравляю! У меня для тебя приятное сообщение от твоего правительства.

Он выбрал из кучи телеграфных сообщений одно, исходившее из Москвы, и с комической торжественностью передал его мне. Там, среди телеграмм, которые должны были появиться в утренних газетах, было одно сообщение французского агентства «Фурнье» из Москвы, датированное 9 марта 1939 года и озаглавленное: «Бывший посланник СССР в Греции будет заочно предан суду». Там говорилось, что вскоре московский трибунал вынесет обвинительный приговор бывшему посланнику СССР в Греции меся Бармину, вместе с пятью другими бывшими советскими служащими, которые порвали с СССР.

– Очень интересный пример советского правосудия, – улыбнулся Филипс. – Сообщая о будущем процессе, они заранее объявляют его результат!

– Ну, по крайней мере, они ничего не скрывают. Я знаю, что меня ожидает, – ответил я. – Но это и довольно высокая честь. Каждый советский сотрудник, который остается за границей, автоматически лишается гражданства и приговаривается к смерти. Может быть, меня хотят расстрелять дважды? У нас как-то был подобный случай. Два старых большевика Дробнис и Клявин были расстреляны белогвардейцами и с трудом выкарабкались из общей могилы, каждый с

несколькими пулями в теле. Позже они примкнули к оппозиции и снова были расстреляны в 1937 году – на этот раз по приказу Сталина. Такое внимание, конечно, лестно, но я боюсь, что этот суд не принесет им удовлетворения. Вопреки московским традициям я не чувствую за собой вины, не собираюсь ни в чем признаваться или восхвалять вождя за массовые убийства во имя социализма!

– Не расстраивайся, – ответил Филиппс. – Ты можешь не растрачивать на меня свою энергию. Побереги ее для более подходящего случая.

Когда мы покидали его офис, он вытащил эту телеграмму из пачки и дал мне.

– Сохрани ее как сувенир, – сказал он и крепко пожал мне руку.

В начале мая 1939 года, сразу же после увольнения М. М. Литвинова, мне позвонил директор французского литературного агентства «Опера мунди» господин Ронсак. Он сообщил мне, что газета «Пари суар» хотела бы заказать мне статью об отставке советского наркома для своей специальной рубрики, в которой иностранные авторы и политические деятели регулярно обсуждают мировые проблемы. Я предупредил его, что мои оценки могут резко отличаться от того, что ожидает публика. Но он настаивал, и я в конце концов согласился. Агентство направило статью в несколько стран Европы и Америки, но она не появилась ни во Франции, ни в Англии. Ронсак чувствовал себя неловко и пытался объяс-

нить: «Сотрудники “Пари суар” (может, это был Пьер Лаза-рефф) считают, что мы оба спятили».

Вот пара цитат из этой злосчастной статьи:

«...Есть все основания считать, что Сталин уже давно стремится к союзу между СССР и германским рейхом. Если до сих пор этот союз не был заключен, то только потому, что этого пока не хочет Гитлер. Тем не менее советского посла Юренева весьма любезно принимали в Бертехсгадене, а личный представитель Сталина, грузин Канделаки, вел переговоры с Гитлером вне рамок официальных межгосударственных отношений. Переговоры между тоталитарными государствами ведутся в обстановке глубочайшей секретности, и их результаты могут стать полной неожиданностью для всех...»

И далее, к вопросу о территориях к востоку от линии Кер-зона:

«На этих территориях проживает около десяти миллио-нов людей, которых СССР, исходя из географических и эт-нических критериев, может с полным основанием считать своими гражданами. Это может стать ее наградой за поли-тику благожелательного нейтралитета по вопросу раздела Польши в ходе новой европейской войны».

Я почувствовал некоторое удовлетворение, когда четыре месяца спустя, после триумфального возвращения Риббен-тропа из Москвы, несколько парижских газет откопали эту старую статью и опубликовали ее со следующим коммента-рием:

«Эта точка зрения интересна тем, что она была высказана четыре месяца назад, когда в Москве находился специальный уполномоченный британского правительства, а сама идея советско-германского сближения представлялась европейцам невероятной. Господин Бармин предвидел эти события, но его разоблачения были проигнорированы. Его статья была написана 5 мая, но она была опубликована только в Скандинавии и Южной Америке. Ни одна из французских или английских газет не решилась напечатать ее в то время».

В этой совсем не безоблачной обстановке мы прожили вполне счастливый год, со мной была Мари, моя безопасность была более или менее обеспечена, у меня была работа, были друзья, моя жизнь налаживалась.

Но мне этого казалось мало. Мне нужно было что-то большее, чем простая безопасность. Всю жизнь я служил режиму, в который уже больше не верил. Мне нужна была новая «духовная среда», в которой я мог бы играть какую-то роль и нести какую-то ответственность. При всей моей любви к французам мне была невыносима перспектива провести всю свою жизнь без родины, на положении иностранца, которого лишь вежливо терпят. Чем больше я размышлял над этим, тем больше приходил к убеждению, что в мире существовала только одна страна, где я мог бы заново начать свою жизнь как свободный человек и гражданин в полном смысле этого слова. Это были Соединенные Штаты Америки. Это была страна «иностранцев» и «пришельцев», которые создали

великую нацию. Мы обсудили это с Мари и решили начать там новую жизнь.

Весной 1939 года мы пошли в американское посольство. Сотрудник посольства внимательно нас выслушал. Посольство было готово помочь, но по закону требовалось, чтобы мы нашли спонсора из числа американских граждан. К счастью, двоюродный брат Мари был видным адвокатом в Нью-Йорке, и он охотно выступил в этой роли, взяв на себя все хлопоты по нашему делу. Через несколько месяцев мы получили желанные визы для въезда в США. Это был наш пропуск в новую жизнь.

Приближаясь к берегам США, мы пытались рассмотреть на горизонте первые контуры той страны, которую мы так хотели сделать своей родиной. Как и большинство иммигрантов, мы с энтузиазмом приветствовали появление берега. Город с частоколом небоскребов для нас уже больше не был безвкусной цветной открыткой. Он ожидал нас как живая реальность в тумане холодного зимнего утра.

Чиновник иммиграционной службы проверил и проштамповал наши документы. Мы въехали в США.

– Спасибо, – сказал я, с трудом сдерживая эмоции.

– Добро пожаловать! – ответил он. Это была рутинная фраза чиновника, но мы этого не знали. Для нас эти обычные слова были исполнены глубокого смысла. Это был добрый знак судьбы, которым встретила принявшая нас дружественная страна.

Книга вторая

*Они жили славой, устремленной вперед,
Босоногие и без хлеба.*

*Каждый спал на твердой земле, С рюкзаком под
головой.*

*Популярная солдатская песня времен Французской
революции*

Детство

Я плохо знал своих родителей, наверное, потому, что мало жил с ними. В тех случаях, когда мы были вместе, они предоставляли меня самому себе. Может быть, именно детские впечатления оказали существенное влияние на формирование моего характера. Жизнь моя, сколько я себя помню, всегда была наполнена трудностями и разными кризисными явлениями, что в то бурное время сделало меня восприимчивым ко всяким переменам и революционным идеям. Она была похожа на жизнь многих людей моего поколения. Думаю, что история моей жизни может в какой-то мере помочь читателю понять, что происходило в России.

Моя мать была одной из восемнадцати детей егеря и выросла в деревне, не видев в жизни ничего, кроме трудностей, хотя семья никогда не испытывала недостатка в пище. Она

всегда была занята со своими младшими братьями и сестрами, следила за тем, чтобы они были вымыты и накормлены. Тот факт, что все восемнадцать детей достигли зрелого возраста, свидетельствовал о том, что условия жизни хотя и были трудными, но вполне сносными. В пятнадцатилетнем возрасте она работала в имении баронессы Браницкой, за двадцать пять копеек в день с утра до вечера убирала свеклу. В семнадцать лет она вышла замуж за школьного учителя, который недавно овдовел, был намного старше ее и имел двух сыновей. Я был у нее единственным ребенком.

Я помню шумные ссоры моих родителей, крики и хлопанье дверьми в нашем маленьком домике. Я также помню страшные дни, когда за долги у нас должны были конфисковать имущество. Готовясь к такому ужасному исходу, моя мать по ночам увязывала наши вещи в узлы, которые выносила из дома не через дверь, а через кухонное окно, выходящее в сад. Когда наконец это случилось, меня отправили жить к соседям.

Теперь мои родители часто отсутствовали, надолго оставляя меня одного, возвращались они ненадолго, но в хорошем настроении.

В возрасте шести лет меня отправили жить к дедушке с бабушкой. Я совершил очень интересное путешествие на поезде и на подводе по проселочным дорогам мимо бескрайних полей и лесов. Несколько рек мы пересекали на паромках. Все было для меня ново и интересно.

Дедушка с бабушкой жили в старой деревенской избе, а когда их детям становилось трудно, они брали к себе внуков. В любое время их в доме было не меньше дюжины. Это был побеленный домик, окруженный вишневым садом недалеко от Умани, маленького города на Украине со смешанным русско-еврейским населением. Город был довольно невзрачный, но солнечный, с красивыми садами. Располагался он на берегу грязной и довольно вонючей реки.

Бабушка все свое время проводила у плиты, в окружении кастрюль, сковородок, мисок и многочисленных детей. Чтобы поддерживать их, ей приходилось постоянно решать бесчисленные проблемы. Я часто видел ее с карандашом в натруженной руке: «Столько за огурцы, столько за мыло... а сколько останется на сахар?». Она творила чудеса, и у нас появлялся сахар. А по праздничным дням мы даже надевали ботинки и чистые рубашки.

У нее не было времени заниматься нашим воспитанием, и мы все, мальчишки и девчонки, вечно сопливые и неумытые, в драных штанах и с всклокоченными волосами представляли собой какую-то независимую республику. Мы целые дни проводили на улице, лазая по деревьям, купаясь в реке или бегая по окрестным местам в поисках нехитрых развлечений.

Больше всего нам нравилась гроза. Завидев надвигающиеся тучи, мы готовились к дождю, а когда он начинался – голые выскакивали на улицу и с воплями диких индейцев тан-

цевали под обильными струями, низвергавшимися с небес. После сильных ливней мы, как и все другие крестьяне, должны были чинить глиняные стены нашей избушки. Дедушка расчищал угол во дворе и приносил глину с берега реки. Дети собирали навоз на дороге. Глина смешивалась с навозом, разводилась водой, и мы с наслаждением месили ее ногами, делая отличную штукатурку для стен. Бабушка пользовалась этим случаем, чтобы подновить побелку. По верхней кромке под крышей она всегда рисовала голубой орнамент.

Другим развлечением был местный рынок. Там были горы фруктов и овощей, были гадалки и представления, там можно было купить ряженку, пряники и даже резиновые мячики. Крестьяне, приезжавшие из дальних деревень на повозках, громко спорили по каждой сделке. Мы тарасили глаза на книги в красивых цветных обложках, в которых были русские народные сказки, или слонялись вокруг прилавков, заваленных леденцами, ярко раскрашенными пирожными и петушками из ячменного сахара. Я до сих пор помню, как все это было дешево. Ведро черешни, мешок картошки или груш стоили меньше американского цента; за половину этой цены можно было купить пару огромных арбузов. Сегодня эти цены вызывают изумление. Но тогда мы не всегда ели досыта и нередко по нескольку дней питались жидкой овсянкой.

Дедушка приходил с работы вечером, а утром на рассвете снова уходил. По вечерам он делал всякую работу по дому:

рубил дрова или чинил ограду. Дети пользовались полной свободой при условии, что они не ссорились и не хныкали. Если кто-то приходил с жалобой на синяк под глазом или на порванную одежду, дедушка ворчал: «Если не можешь постоять за себя, не ввязывайся в драку. Иди умойся». По натуре он был добрым патриархом, который просто смотрел на жизнь. Он считал, что серьезные проступки заслуживают крепкого шлепка или березового прута. Естественно, и я получал свою долю. Один из таких случаев сохранился в моей памяти ярким воспоминанием.

Я был очень голоден. Мы все сидели за столом, куча чумазных, непоседливых сорванцов с жадными голодными глазами. Перед нами стоял дымящийся чугунок тыквенно-овсяной каши, и мы с деревянными ложками ждали, пока, как этого требовали приличия, дедушка с бабушкой зачерпнут из котелка первыми (в нашей бедной деревенской жизни не было тарелок, но заверяю вас, мы не замечали их отсутствия). Я в тот раз был особенно нетерпелив и грубо нарушил установившийся порядок, а подсознательное понимание того, что я поступаю неправильно, видимо, сделало меня еще и очень неуклюжим. Не дожидаясь своей очереди, я перегнулся через стол и первым зачерпнул себе каши. Неожиданно я потерял равновесие, и моя рука угодила в чугунок с кашей. Чугунок перевернулся, и обжигающая масса расплескалась по ногам моих двоюродных братьев. Это была полная катастрофа, о чем свидетельствовали крики боли и ужаса. Каша по-

гибла. Я был настолько потрясен тем, что натворил, что даже не почувствовал ожогов.

Дед встал из-за стола со зловещим выражением на лице.

– Иди за мной, – сказал он.

Бабушка робко попросила о пощаде:

– Никифор, не бей ребенка, – взмолилась она.

Но дед ничего ей не ответил. Он сам знал, что ему надо делать. Мы вышли в соседнюю комнату, и он притворил дверь. Затем он сел, зажал мою голову между колен и отодрал меня по голому задку своим кожаными шлепанцами. Я молчал и не плакал. С горящими щеками и ушами я вернулся в общую комнату, не решаясь ни на кого взглянуть. Бабушка смазала обожженные места простоквашей и перевязала их. Позже, когда меня снова позвали за стол и налили супа, у меня потекли слезы и я отказался. Еще много лет, вспоминая эту сцену, я испытывал острое чувство вины. Я взял за правило никогда не есть из общего котелка прежде других, однако эта привычка сослужила мне плохую службу в суровые последующие годы моей жизни.

Однажды приехала мать. В городском нарядном платье, в каком мы ее никогда не видели, она выглядела молодой и красивой. Она привезла всем подарки и приехала забрать меня в школу в Вильно, где теперь жила. Уезжая, я раздал все свои сокровища своим братьям: пустые спичечные коробки, пачки от папирос, рогатки, бабки, камешки необычной формы и гвозди. Мы расстались со слезами.

На вокзале в Вильно нас никто не встречал. Моя мать жила одна в небольшой чистой двухкомнатной квартире. На вопросы об отце отвечала уклончиво. Сама она работала в больнице, уходила в семь утра и возвращалась поздно вечером.

В школе я учился хорошо, хотя был замкнут и склонен к уединению. В одиночестве я начал читать все, что мне попадалось под руку: Фенимора Купера, Жюль Верна, Майн Рида, Марка Твена, Стивенсона, Джека Лондона и Кипплинга. Чуть позже у меня появился вкус к Пушкину, Виктору Гюго, Золя, Толстому и Диккенсу.

Однажды мать застала меня углубившимся в том Мопассана. «Не читай это, – сказала она строго. – Там много такого, что ты не поймешь».

Меня это удивило, потому что в то время я был в таком возрасте, когда мальчишка думает, что он понимает все. В итоге я стал еще внимательней читать Мопассана, стараясь найти какую-то тайну, но так и не нашел ее.

Книги делали мою жизнь богатой, в то время как в материальном плане она становилась все беднее. Случайно я узнал, что мой отец «ушел к другой женщине». Он продолжал оказывать мне материальную помощь, но делал это нерегулярно. Мать молча страдала. Я понимал ее, но ничем не мог помочь. Эта сдержанность с обеих сторон одинаково нас печалила и со временем переросла в какое-то отчуждение. Мама упрекала меня за отсутствие внимания, а я ничего не

мог придумать и с горечью замыкался в своих собственных мыслях. В таком состоянии я жил до тринадцати лет.

Однажды мать спросила меня, хотел бы я переехать жить к отцу. Сама мысль снова увидеть отца так взволновала меня, что я обнял ее и воскликнул:

– Конечно!

По лицу матери было видно, что я причинил ей боль, и я попытался смягчить удар:

– Но я ведь вернусь, мама.

Отец встретил меня на станции. В Гомеле у него был большой удобный дом, окруженный садом. Как только мы пришли, он завел меня в свой кабинет и осмотрел с некоторым смущением.

– Теперь ты уже совсем большой, – сказал он. – Я могу открыто говорить с тобой даже о взрослых делах. Я снова женился. У тебя есть маленький брат. Сейчас ты встретишься с ним... и с твоей мачехой. Будь с ними добр.

– Катя! – позвал он.

Вошла женщина с ребенком на руках. Она напомнила мне женщин, которых я видел на репродукциях картин датских художников. У моей «второй матери» было пухлое лицо с довольно курносом носом, большие серые, постоянно смеющиеся глаза. Она всегда была веселой, но скоро я узнал, что за ее доброй внешностью скрывалась злобная и расчетливая душонка.

Первые месяцы прошли достаточно хорошо, но вскоре я

понял, что мое присутствие в этом доме не совсем желательно. Моя мачеха, по-видимому, считала, что каждый кусок для меня она отрывала от ее собственного драгоценного младенца. Небольшая сумма на карманные расходы, которую выделял мне отец, стала предметом горьких укоров. Затем отцу пришла в голову гениальная идея – нанять меня к себе на работу и таким образом давать мне какие-то деньги под предлогом оплаты моих услуг. Я набивал ему папиросы по пятнадцать копеек за коробку. Он также научил меня пользоваться топором и пилой, что мне в дальнейшем очень пригодилось. Потрудившись хорошо на поленнице, я зарабатывал рубль в неделю. Этого мне хватало и на кино, и на конфеты.

Учеба в школе шла хорошо, но в конце концов случилось то, что рано или поздно должно было случиться. Однажды отец пригласил меня в кабинет и после долгого хождения вокруг да около сказал, что лучше бы мне переехать к матери, которая была очень одинока и от этого страдала.

– Ты поедешь завтра. Я уже сообщил матери о твоём приезде по телефону, – сказал в довершение разговора отец.

«Если мне тут нет места, – с горечью подумал я, – то где же оно?...»

Я ничего не ответил отцу, но сам был близок к отчаянию, к чувству, которое я ни под каким предлогом не мог никому открыть. Я стал находить утешение в мечтах.

«Когда я вырасту, – продолжал я фантазировать, – то ста-

ну моряком или путешественником, богатым и знаменитым. И они все захотят, чтобы я к ним вернулся, мы снова будем жить вместе. Я больше никогда не позволю им ругаться и ссориться...» Но это были пустые мечтания, сбыться которым вряд ли было суждено.

В Вильно меня ждало новое разочарование. Моя мать тоже собиралась вторично выйти замуж. Когда она сообщила мне эту новость, я стал упрашивать ее не делать этого.

– Ты снова будешь несчастлива, мама, – умолял я. – Давай жить с тобой вдвоем. Так будет лучше.

В день ее свадьбы, которая проходила в то время, когда я был в школе, мы переехали в более комфортабельный дом. Однако я с чувством грусти вошел в свою новую комнату. На полу стояли связки моих книг. Это было все, что осталось у меня от прежней жизни. Внизу веселилась свадьба. Мать несколько раз приходила за мной, но я отказывался выходить.

– Ты огорчаешь меня, – твердила она. – Не упрямысь, выходи!

Но я слишком был занят своими оскорбленными чувствами, чтобы прислушаться к ней. Не раздеваясь, я лег на кровать и в смятении чувств заснул. Когда я проснулся, то на ночном столике нашел тарелку с пирожными и мороженым. Мороженое растаяло и превратилось в тягучую желтоватую жидкость. Я опять вспомнил веселье вчерашнего вечера и неожиданно расплакался.

У меня осталось очень мало хороших воспоминаний от школы, где по-казенному сухие и одетые в форму учителя убивали всякую естественную радость учения. Однако мне хотелось бы вспомнить одного человека, который отказывался носить форму и в отличие от других наставников оказывал на нас заметное влияние. Это был протестантский священник. Он обучал нас немецкому языку весьма оригинальным методом. В качестве поощрения он угощал нас конфетами, их он покупал на собственные деньги. Это был веселый и шумный здоровяк, совершенно лишенный профессиональной торжественности, свойственной служителям церкви. Он всегда ходил в костюмах светлого цвета. Вопреки школьным распорядкам он требовал, чтобы каждое утро мы приветствовали его хором: «Гутен морген, либер стор!». Мальчишки очень охотно исполняли этот ритуал. Ему достаточно было только заглянуть в класс, и это вызывало такой энтузиазм, что никакая серьезная работа в течение последующих пятнадцати минут была просто невозможна.

Именно благодаря «дорогому пастору» я приобрел своего первого друга, мальчика по фамилии Кусков. В учебе он как-то проиграл в соперничестве со мной, и мы разделили с ним полученную мною в качестве приза шоколадку.

Однажды летом 1914 года я отправился навестить своего друга на даче, где он проводил каникулы. Я нашел дачу холодной и заброшенной, такой она может быть только в отсутствие хозяев. Я напрасно ждал целый день и следующую

ночь, но мой друг с семьей так и не появился. Я был очень обеспокоен и внезапно вспомнил, что на станции мальчишка-газетчик выкрикивал какую-то фразу, которую я сразу не понял: «Приказ о мобизации!». Когда я возвращался назад, в поезде меня поразили странные выражения лиц и возбужденные голоса пассажиров.

– Что случилось? – спросил я сидевшего рядом человека.

– А случилось то, мой мальчик, что мы собираемся воевать и дадим Кайзеру по зубам. Скоро наши казаки будут в Берлине.

Из книг я знал, что война – это что-то героическое и всегда победоносное. Я думал, что теперь жизнь будет похожа на приключенческий роман. Все были в хорошем настроении. Я, несмотря на то, что не встретился со своим другом, тоже предался настроению всеобщего подъема.

На следующий день мой отчим вернулся домой с сияющим взглядом.

– Слава богу! – сказал он. – Это война! Россия победит!

На улицах было много демонстраций: люди несли трехцветные флаги, церковные хоругви и портреты царя, обрамленные вышитыми полотенцами. Атмосфера была очень эмоциональной. Люди пели песни. Казаков, скакавших верхом, приветствовали радостными возгласами и осыпали их цветами.

В школе наш класс дружно охнул, когда узнал, что немецкие орды вторглись в Бельгию. «Ничего, наши казаки скоро

освободят Бельгию, — решили мы все вместе. — Бошам уж точно не поздоровится...»

«Почему я еще слишком молод для армии? Когда я достигну призывного возраста, все уже давно закончится. Какая несправедливая судьба!» — эти мысли искренне терзали мою душу.

Когда через наш город проследовали первые немецкие военнопленные, мы смотрели на них с любопытством и превосходством. Мне они показались совсем не страшными, а просто жалкими. Грязные и изможденные, они отвечали на наши взгляды жалкими улыбками. Похоже, что завоевателям Бельгии русский плен был вполне по душе! Они делали нам дружеские жесты и кричали: «Киндер, киндер!». Мне пришло в голову, что у них могли быть дети нашего возраста. Один из моих друзей выкрикнул:

— Дойче швайне!

Пленные отвернулись. В наших сердцах, кстати сказать, не было ненависти к ним, и мы почувствовали какое-то неясное чувство стыда за то, что сказал этот мальчик. Но тем не менее немцы оставались нашими врагами, поэтому прощения, пока шла ужасная смертоносная война, они не заслуживали. Простить их могла только наша победа.

Война и революция

Война набирала обороты. Мы уже забыли о мирном времени. Наша армия одержала несколько побед и взяла много пленных. Но почему-то в народе не стало разговоров о взятии казаками Берлина. Наоборот, немецкие уланы вошли в Варшаву. Немцы оккупировали всю Польшу и угрожали Литве. Все это было трудно понять. Кто был постарше меня, надевали военную форму. Мои сводные братья Николай и Григорий тоже отправились на фронт. Они жили с теткой в Петрограде, но по пути на фронт заехали к нам. Они, как павлины, гордились своими золотыми нашивками. Я смотрел на них с завистью.

Младший, Григорий, был убит 1 августа 1915 года в возрасте девятнадцати лет.

Осенью мать перестала ходить на работу.

— Город эвакуируется, и мы станем беженцами, — сказала она мне.

Я знал об ужасной судьбе беженцев и думал, что нас ожидает то же самое. Но когда началась эвакуация, то, против ожидания неразберихи, во всем ощущалась твердая рука. На железной дороге, в условиях военного времени, она проходила, можно сказать, даже довольно комфортабельно. Несмотря на всеобщую сумятицу, которая присутствует практически во все времена на вокзалах во время отхода по-

езда, нам удалось взять с собой почти все свои вещи. Однако ехали мы в товарном вагоне, и путешествие продолжалось долгих шесть дней. Наконец мы прибыли в город, куда должен был эвакуироваться мой отчим. Это оказался Гомель. Так судьба организовала встречу двух моих семей.

Для меня это было очень тяжелое время. Я был между ними словно между двух огней: с одной стороны – мой отец с новой женой, с другой – мать с новым мужем. Но в общем-то я никому не был нужен и находился в гнетущем одиночестве. Каждое слово ранило меня, а кое-что из того, что говорилось в мой адрес, ранило действительно глубоко. Когда, к примеру, за обедом моя мать клала мне на тарелку кусок мяса, ее рука дрожала под неодобрительным взглядом мужа – моего нежеланного отчима, поскольку мясо было дорогим и денег на его покупку почти всегда не хватало. Видимо, поэтому он считал, что меня должен был кормить родной отец. Его враждебность постоянно держала меня в напряжении, и у нас часто возникали ссоры.

Однажды вечером, после очередной ссоры за столом, когда отчим хотел ударить меня, я убежал из дома и спрятался в соседнем дворе в ящике от рояля. Половину холодной ночи я провел там, накрывшись соломой, а затем отправился на вокзал и уснул в зале ожидания. Я решил не возвращаться домой. Буду искать работу и никогда больше не позволю унижать себя тем, что каждый кусок, который я ем, ставится мне в укор. На следующее утро я отправился в школу, и там

меня нашла мать. Она пыталась убедить меня вернуться домой, но я категорически отказался.

Мой друг Кусков, который тоже жил в Гомеле на положении беженца, слышал наш разговор. Он рассказал обо мне своим родителям, и они дали мне приют. Чтобы не ущемлять мою гордость, они попросили, чтобы я помогал готовить уроки их младшей дочери. Таким образом в возрасте пятнадцати лет я стал репетитором и с тех пор всегда сам зарабатывал себе на жизнь. Именно в то время детство мое закончилось.

Жизнь в Гомеле, как и по всей России, с каждым днем становилась все труднее. Цены на продукты росли, а некоторые товары вообще исчезли с прилавков. Из больших городов, Петрограда и Москвы, приходили плохие новости. Там росли очереди за хлебом и иногда возникали беспорядки, которые подавлялись войсками. Госпитали были заполнены ранеными солдатами, мест не хватало, и раненых размещали в школах, которые все чаще переходили в распоряжение Красного Креста.

Веселые дни начальных месяцев войны ушли безвозвратно. Вместо этого распространялось уныние, медленное, но болезненное, как ползучий паралич. Наши армии вязли в грязных окопах, газеты заполнялись монотонными сводками потерь. Вот тогда многие, словно пробудившись от сладкой дремоты, стали задаваться вопросом:

– Когда же все это кончится?

Совершая свои походы в качестве добровольцев Красного Креста, мы уже не встречали в домах такого теплого приема, как раньше. Некоторые женщины, потерявшие своих мужей и сыновей, откровенно говорили нам:

– Мы ничего не дадим вам! У нас самих не на что жить! Скажите им, пусть они нам помогают!

Однажды столичные газеты в провинцию не пришли, и их место тотчас же заняли слухи. Кто-то сказал, что произошла революция. Первыми, кто исчез с глаз долой, были полицейские. На улицу они могли выходить, только надев поверх своей формы гражданскую одежду. Все городские службы стали разваливаться, власть, кажется, перестала функционировать. Потом газеты принесли весть об отречении царя.

Гомель старался идти в ногу со временем. На площадях оркестры играли «Марсельезу». Молодые люди маршировали по улицам с ружьями и красными нарукавными повязками с буквами «ДМ», что означало: «Добровольная милиция».

В школе некоторые ребята тоже появились с красными повязками. Завуч попытался их во что бы то ни стало снять, ссылаясь на то, что это «нарушение школьных правил», но скоро он отказался от своих попыток. Это, как ничто другое, показало нам, что происходят действительно важные перемены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.